

Арина Ларина

Невеста бальзаковского
возраста



Романтическая
комедия

Арина Ларина

Невеста бальзаковского возраста

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6358529

Невеста бальзаковского возраста / Арина Ларина: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67655-2

Аннотация

Прекрасен и опасен бальзаковский возраст! Жизнь удалась, если к его наступлению дама приятно обременена взрослыми детьми и любящим мужем-добытчиком. И катастрофа, если ничего этого нет. Потому что обрести вышеперечисленное уже практически невозможно. Котировки дам бальзаковского возраста на рынке невест стабильно падают, на пятки тридцатипятилетним красавицам наступают более юные и напористые. Кого выберут разборчивые женихи? Конечно, молодых! Но сдаваться нельзя! Так думала и Настя Дорохова, выходя на тропу войны за женское счастье...

Арина Ларина

Невеста бальзаковского возраста

© Ларина А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Без соплей, без лишних сантиментов,
И красивых сцен – наплакал кот.
Чередой обыденных моментов
Жизнь обычной женщины пройдет.*

*Бизнес-леди, клерку, продавщице
И звезде балета и кино —
Как температура по больнице,
В среднем будет счастье всем дано.*

– Самое ужасное – оказаться посредственностью, – вдохновенно вещала Лизавета, сверкая глазами и таская из коробки соленую соломку. Соломка исчезала в ее ротике с промышленной скоростью.

Лиза вообще очень любила мучное, и что самое удивительное, это никак не сказывалось на ее скелетообразной фигуре.

Кто-то до одурения скачет в спортзале, сидит на диетах, кто-то, изображая бег трусцой, носится по утрам мимо остервенело лающих собак, кто-то изыскивает в Интернете новые комплексы упражнений, призванные изничтожить целлюлит, галифе, выпирающий живот и стратегический запас сала на боках – а все зря! А кто-то трескает все подряд и живет припеваючи вопреки законам логики.

Наверное, это молодость сжирает лишние калории и покрывает недостаток спортивной активности бурным сексом, бессонными ночами в клубах и безбашенными вылазками на природу.

До двадцати пяти лет кажется, что так всегда и будешь гладкой, стройной, красивой, а эти жирные клуши, что топают мимо, отягощенные авоськами, детьми и лишним весом, – это не из твоей оперы.

А клуши тем временем тоже смотрят на тебя и злорадно думают: погоди, придет и твоя очередь. А может, и не думают ничего такого или думают, но вовсе не злорадно. Так или иначе, здорово быть молодой и не очень здорово – теткой

ближе к сорока. Этакой дамой бальзаковского возраста. Когда за лицом нужно следить, причем практически безуспешно – все равно оно куда-то уплывает, морщится и жухнет, как кленовые листья по осени. Когда можно хоть сутками хлебать кефир и грызть сырые овощи, а лишний вес все равно появляется, возникая словно из воздуха. И целлюлит вроде не бросается в глаза, но ведь есть, если присмотреться! Причем если старательно худеешь, то в первую очередь сдувается грудь, а если набирать вес, то моментально разбухают живот и попа. Необъяснимый природный феномен, уходящий корнями в несправедливость судьбы к женщинам.

Лишние килограммы покидают нас неохотно и очень медленно, зато возвращаются быстро и бодро, как дружный цыганский табор. И набираются заново. Вот такая печальная...

Настя украдкой покосилась на сестру, воодушевленно планировавшую свое грядущее бракосочетание, и высыпала на сковороду нарезанную картошку. Кухня немедленно наполнилась аппетитным шкворчанием. Этой замечательной картошки она потом съест совсем каплю, чтобы не нарушать диету. Но уж очень хочется. Тихо вздохнув, Анастасия Дорохова, та самая дама бальзаковского возраста (который, как известно, находится между тридцатью и сорока годами), начала аккуратно помешивать ужин, прикидывая, можно ли будет съесть еще и пирожное, или это вообще преступление? Если прикинуть по калориям – то да, преступление. А если

покопаться в душе и взвесить моральные «за» и «против», то нужно съесть даже не один, а целых два эклера, чтобы хоть как-то унять внутреннюю боль.

Все же жизнь – удивительно несправедливая штука.

За стеклом со стороны улицы, медленно шевеля лапками, ползла жирная оса. Она упруго дергала полосатым тельцем, словно выискивая место, куда бы вонзить жало, и изредка взлетала, тревожно гудя. Ос Настя не любила. И вообще – настроение у нее стремительно портилось. Эта оса, которая в любой момент могла просочиться через щель в кухню, беззаботная сестрица, чирикавшая безмозглой птичкой, сестрицын жених Саша в одних шортах, по-хозяйски развалившийся за столом и вытянувший мосластые, волосатые ноги, – все ее бесило и вызывало внутреннее отторжение.

Надоели.

Ей все надоели. Вот почему она стоит и жарит им картошку, а эти иждивенцы ведут себя так, словно она приживалка какая-то и всем должна!..

– Сань, ну скажи! Это ведь пошлость невообразимая – белое платье, фата занавеской, потом в «Одноклассниках» будет стыдно выложить. Ни одного лайка не получишь. Все будут смотреть и думать: «Фу, отстой!» – Лиза цапнула зубками очередную соломку и строго посмотрела на собеседника: – Я права?

– Угу, – покладисто кивнул Саша. Он вообще не особо

вслушивался в стрекот подруги и обычно соглашался абсолютно на все, идя по пути наименьшего сопротивления. Это был чисто мужской подход. Если спорить и отстаивать какую-то свою точку зрения, то бабу все равно не переспоришь – она в крайнем случае, когда закончатся аргументы, может начать плакать, и тогда ты при любом раскладе проиграл. А если не спорить и кивать, то ничего не мешает потом от своих слов и обещаний отказаться, если вдруг выяснится, что кивнул ты на что-то, чего делать ни за что не будешь.

– Короче, я все продумала. Мы будем в белой джинсе. Я со стразами, ты с заклепками. Цветочки в голову, так и быть, воткну. Никаких лимузинов – это мещанство. У нас будет карета, запряженная белыми лошадьми. И вся в белых цветах.

– А в небо вы выпустите сто белых голубей, которые обгадят вас белыми лепешками, – неожиданно выпалила Настя, не удержав в себе клокочущее негодование. – Очень романтично, и главное – народу будет что вспомнить.

– Желчный пузырь проверь, – огрызнулась Лизавета. – И завидуй молча.

– Голубей не надо, – тревожно пробубнил Саша, ощущая растущее в кухне напряжение.

– А все остальное – надо? – ехидно уточнила Настя. – Я чисто поинтересоваться, друзья мои, а за чей счет банкет? Ну, я так мыслю: Александр у нас временно не работает...

– Я ищу, просто нет ничего приличного сейчас, – нахму-

рился оппонент. — Чего ты взъелась?

— Я? Я чего взъелась? — завелась Настя, с грохотом швырнув в раковину лопатку. — А ты угадай! Лизке двадцать пять, ни образования, ни профессии...

— Я фотограф, — оскорбленно пискнула сестрица. — У меня, между прочим, свой стиль и большие перспективы!

— Боюсь, я до твоих перспектив не доживу! — рыкнула Настя. — А пока что ты тоже безработная! И вот вы, два безработных захребетника, живете за мой счет и еще имеете наглость планировать свадьбу! А вам не приходило в голову, что сначала люди встают на ноги?!. Нет, Шурик, сиди! «Встают на ноги» — это не значит, что они в трезвом виде могут держаться на своих хилых конечностях, а в том смысле, что они хотя бы способны заработать на еду и проживание. Это значит, что у них есть жилплощадь! Обычно мужики невесту приводят на свою жилплощадь! А у нас, я извиняюсь, Лизка привела тебя сюда и посадила жрать мои продукты!

— Ну, ты же тоже своего мужа привела в нашу квартиру, и он тоже захребетник и жрет твои продукты, — наивно хлопнула глазками сестра. Уж что-что, а ткнуть в больное место Лизавета умела мастерски.

И самое обидное, что она была права.

Настя и Лиза не были родными сестрами в полном смысле слова. Когда Насте исполнилось десять лет, ее отец умер от сердечного приступа. Если смотреть правде в глаза, то он

просто допился до инфаркта. Но первая формулировка звучала как-то пристойнее, поэтому Настя Дорохова так всем и говорила, если спрашивали. А спрашивали часто, особенно соседи. Мама к тому моменту уже была беременна Лизой. Как выяснилось позже, отец у Лизаветы был другой, не Настин. Этим и объяснялся интерес окружающих к их семье. Сериалов тогда никаких не показывали, зато за каждой дверью была своя Санта-Барбара. А что еще обсудить за рюмкой вечернего чая, как не бытие соседей. Особенно если у них хуже, чем у тебя. Или просто неправильно, не как у всех.

Отчим оказался человеком достойным, непьющим, Настю он не любил особо, но и не обижал. Наверное, чтобы вырасти психически полноценным человеком, мало того, чтобы тебя просто не били или не унижали. Нужна еще любовь.

Отчим любить не умел. То есть умел, но только свою новую жену, Настину маму Марину Ивановну.

Мама была прекрасна, с этим фактом не поспоришь, эдакая Женщина с большой буквы, привыкшая к поклонению и преклонению. Она иступленно любила и боготворила исключительно себя. На дочерей у нее сил не оставалось. Вернее, девочкам перепали какие-то крохи. И каждая из этих крох и зернышек взлелеяла что-то свое.

Пятнадцать лет они жили более-менее спокойно. Настю, едва она достигла совершеннолетия, переселили в пустую бабушкину квартиру. Конечно, жить в восемнадцать лет одной – еще то испытание. Будь Анастасия барышней

ветреной и склонной к легкой жизни, еще неизвестно, чем бы ее самостоятельность закончилась. Это только в период существования с родителями взрослая жизнь представляется манящей и удивительной, а стоит только ее начать, как тут же выясняется, что невозможно все время есть только чипсы, запивая их колой, что продукты в холодильнике не материализуются сами по себе – их нужно покупать и класть туда, чистое белье быстро заканчивается, а деньги и вовсе утекают сквозь пальцы даже тогда, когда мозг включает режим экономии. Но для девушки, ориентированной на учебу и карьеру, одиночное проживание опасности не представляло. Настя Дорохова всегда была барышней серьезной, поэтому и к организации «одиночного плавания» отнеслась ответственно. Никаких компаний, никаких парней – вечером лекции, днем работа. Вернее, работа была даже не днем, а ранним утром.

Мама по большому благу пропихнула дочь на конкурс в новый отель, который только-только построился, и туда как раз набирали сотрудников. Настю взяли – и началась у нее жизнь, в которой не было места никаким молодежным развлечениям. В пять утра девушка вставала, к половине шестого уже неслась на остановку, чтобы успеть на первый троллейбус до метро, потом в вагоне, набитом рабочими, вдыхая амбре их вчерашних возлияний, она тряслась через весь город, чтобы в семь утра уже сидеть на рабочем месте с приклеенной к лицу улыбкой и истерическим желанием хоть чуть-

чуть поспать. Потом библиотека, обед каким-нибудь бубликом на бегу и лекции. За три года такой жизни Настя привыкла к тому, что должна постоянно работать. И вообще – должна. Улыбаться, когда нет сил, учиться, когда слипаются глаза, просыпаться на рассвете, когда больше всего хочется спать, – в общем, делать то, чего не хочется, но надо.

– Так надо, Асенька! Человек должен привыкать к самостоятельности и независимости. Каждый сам кузнец своей судьбы. Что сейчас скуешь, с тем тебе и жить потом, – говорила мама, которой Настя изредка пыталась жаловаться. Не потому, что ей было так уж плохо, а по какой-то внутренней потребности в том, чтобы кто-то пожалел. Мама жалеть не очень умела. И единственной Настиной отдушиной стала подруга Даша.

Дарья Панкова была удивительной девушкой, словно вырванной из контекста романтического героизма и впихнутой в гостиничную действительность. Она была сдержанна, утонченна и отличалась маниакальной тягой к справедливости. У нее практически на лбу было написано «честная девушка». Чем все и пользовались без зазрения совести.

– Панкова, нельзя быть такой раззявой, – учили ее коллеги по уборке номеров. А Дарья, как это ни странно, работала горничной, хотя Настя всегда считала, что такая девушка должна продавать цветы. Или, на худой конец, книги по искусству. Ни в какой другой области деятельности она подругу не видела. Так вот все горничные всегда с удоволь-

ствием подчищали за гостями все забытые вещи и вообще все, что плохо лежало. Кроме того, одной из статей доходов были всякие шампуни, щетки, полотенца и прочие расходники, которые ушлые девицы потом сдавали перекупщикам. И только честная Даша ни в чем таком категорически не участвовала, вызывая ропот среди коллег и опасение, что она всех «заложит». Но и стукачкой мадемуазель Панкова не была. Так что народ волновался зря.

На ней, как и на Насте, все беззастенчиво пахали, спихивая лишнюю работу. Как говорится: кто везет, на том и едут. Правда, со временем, благодаря природному уму и хорошему образованию, Даша покинула отель и стремительно начала делать серьезную карьеру.

Разумеется, две такие белые вороны просто не могли не подружиться.

– Зато представь, как будет хорошо, когда мы окончим институт, – говорила Дарья, когда им становилось совсем уж невмоготу. Сама она училась на экономическом и в гостинице работала не столько для практики, как Настя, а для того, чтобы просто не умереть с голода во время учебы. Родители ей, как и Настасье, не помогали, но не из педагогических соображений, а просто потому, что не могли.

Настя соглашалась. Ей казалось, что после окончания института начнется настоящая жизнь. По крайней мере она сможет жить как все люди с нормальным графиком работы и не засыпать в метро в любых позах, даже стоя. Да что там

спать! Она наконец встретит мужчину, с которым можно будет создать семью. Анастасия вовсе не была какой-то в голову стукнутой романтичной барышней, напроочь отсеченной от реальности, поэтому ждала она не принца, а просто мужа, который станет ее любить. Она видела, как это бывает, когда тебя любят, – как у мамы. Отчим носил ее на руках и даже Лизавету любил гораздо меньше, чем жену.

– Ведь кто-то же должен меня любить тоже, – рассуждала Настя, когда они с Дарьей затрагивали эту животрепещущую тему. Дарья тоже хотела замуж и тоже вполне взвешенно и обдуманно, а не за первого встречного королевича. – У каждого человека есть своя половинка.

– Половинка есть у таблетки и у задницы, как говорила Раневская, – тут же начинала спорить Даша. Она не верила ни в какую любовь. – В жизни есть место расчету и логике, а все остальное – сказки. Мужики – потребители. Я уж не знаю, с какой луны свалился твой отчим, но в абсолютном большинстве мужики – эгоисты. Они ждут, что их будут любить. И лично я готова, но это должен быть бартер. Я его люблю и обслуживаю, а он создает мне и моим детям пристойные условия существования. Ты просто не жила в деревне, как я. Так вот лично я готова расшибиться в лепешку и раскататься в блин, лишь бы не возвращаться в это болото. Мне и мама сказала: зацепись в городе, иначе – все. Я и сама знаю, что будет, если вернусь. Ничего и никогда в моей жизни хорошего уже не случится. Так что я должна устроиться в

городе. Но! Будем смотреть правде в глаза. Нет никакой гарантии, что я такого мужика найду. Не такая уж я шикарная партия, чтобы ко мне очередь в шляпах стояла. Поэтому я хочу рассчитывать в первую очередь на себя.

Настя не спорила, но оставалась при своем мнении. Да, шансы не так уж велики, но они есть. Наверное, Дашка отчасти была права, когда говорила о себе. Она была субтильная, с мелкими чертами лица, как маленькая любопытная мышка, – в общем, ничего примечательного, если не считать ее маниакальной порядочности. Но как известно, мужчины этот дамский плюс и плюсом-то не считают. А если и учитывают при выборе, то в последнюю очередь. Все же самцы в основном интересуются внешними данными, это заложено природой на генетическом уровне. То есть на что он смотрит в первую очередь? На грудь, ноги и филейную часть. И тут вкусы разнятся, собственно, как и у женщин. Но если исходить из предпочтений большинства и из канонов дамской привлекательности, то ни груди, ни филейной части у Дарьи Панковой не имелось. Она была плоской, как доска. Ноги, конечно, имелись, но весьма средние – в обморок никто при виде ее коленок не валился и вслед девушке не смотрел. Лицо у Даши было миловидным, но не более того. Скорее даже миловидным на грани – она просто не была страшненькой. По сравнению с ней Настю можно было назвать очень даже интересной – большеглазая, длинноволосая, длинноногая и даже с некоторым намеком на бюст. Наверное, именно

поэтому в итоге Даша сделала карьеру, но к тридцати пяти годам так и не обзавелась мужем, а Настя никакой карьеры не сделала, но мужа у судьбы отхватила. Правда, по прошествии некоторого количества времени это достижение она стала рассматривать скорее как ошибку, чем как позитивный сдвиг в судьбе.

Даша оказалась права. Мужчины по большей части были эгоистами, хотя каждого нового кавалера Настасья начинала судорожно идеализировать, выискивая в них тщательно скрытые достоинства и тщетно надеясь, что именно он и является ее половинкой. Не привыкшая ни к любви, ни к душевному теплу, она всякий раз ошибочно принимала их довольно однобокую заинтересованность за ту самую любовь, которой ждала.

– Аська, ты неисправима, – злилась Дарья, которая была уверена, что все про мужчин знает. Со стороны всегда виднее, поэтому одиноких подруг тоже иногда стоит слушать – они могут рассказать про все то серо-буро-зеленое, которое нам не видно через розовые очки. – Когда мужчина хочет с тобой переспать, он поет соловьем и дрыгает лапками от восторга, как щенок, которому чешут пузо. Как только он получает то, на что рассчитывал или от ворот поворот, ты перестаешь быть ему интересна. Запомни, самцы всегда там, где миска с едой и пузочесательница. Все остальное – редкие, почти вымирающие виды. Извини, но вероятность встретить

в мегаполисе мужа твоей мечты так же мала, как и вероятность напороться в метро на уссурийского тигра. Нет, безусловно, какого-то мужика ты встретишь, но это будет не то, что ты нафантазировала. Поэтому срочно меняй приоритеты, снижай планку или переставай мечтать вообще. Разочарование – самое страшное в жизни. Лучше ничего особенного не ждать, тогда и не расстроишься очень сильно, если не получишь.

– Мысли материальны, – гнула свою линию Настасья. – Если я буду об этом постоянно думать, то вдруг...

– Если ты будешь постоянно об этом думать, то быстро съедешь с катушек, – хмыкала подруга. – Думай о чем-нибудь другом. И вообще, как женщины выбирают себе спутника жизни? Это ж в любом случае лотерея без гарантий. Мало ли что он в запале обещает. У меня выбор мужа ассоциируется с покупкой арбуза. Вот лежат они кучей, вроде внешне один общий признак – круглый и зелено-полосатый. А начнешь приглядываться – мама дорогая! Полоски разные, один круглый – другой овальный, один светлый – другой темнее, один большой – другой маленький. А что там внутри – тайна великая. Может, он кислый, или недозревший, или вообще с нитратами. Пока есть не начнешь – не узнаешь. И тут ключевой момент: для того чтобы начать есть, его надо купить и притащить домой. Поэтому большинство баб, потратив деньги, время и, наконец, силы, чтобы допереть это счастье до квартиры, пытаются сами себя убедить,

что не такой уж он и кислый, а что розовый, а не красный, – так даже хорошо. А что им еще остается, если товар возврату не подлежит? Либо выбросить, либо давиться и утешать себя аутотренингом. Так вот специалисты выбирают арбузы по звуку и, извиняюсь, по хвостику. Если спроецировать эту методику на мужчин, то с хвостиком все ясно, хотя это тоже не показатель спелости. А со звуком – надо с ним сначала разговаривать и анализировать, что и как он говорит. Но хорошо анализировать получается ближе к старости, когда опыта уже вагон. Но, пардон, и тут у нас, баб, облом, так как к вагону опыта прилагается закономерная усушка и утриска организма по причине возраста...

Но Насте все казалось, что подруга преувеличивает. Она искренне верила и надеялась, несмотря на Дарьины логические цепочки и едкие умозаключения. Жизнь должна была компенсировать то, что недодала в детстве. Почему «должна», об этом Настя не задумывалась.

А судьба, казалось, решила испытывать ее на прочность до конца, словно проверяя, когда же эта покладистая курица все же сломается. Когда Насте исполнилось двадцать два и она, наконец, получила вожделенный диплом, погиб отчим. Неожиданно, нелепо и необъяснимо. Он въехал в столб на пустой дороге – спешил к маме. В машине нашли громадный букет рыжеватых роз. Мама любила именно такие.

И как-то сразу все рухнуло. Оказалось, что мама ничего

не может, что ей плохо, тяжело и нужно помогать растить сестру, что нужно думать о близких, так как кроме матери и Лизки у Насти никого нет и никому она не нужна. Напоминать родительнице о том, что она и до сих пор никому особо нужна не была, Настя постеснялась. Да и не ко времени были эти счеты. Лизавете исполнилось двенадцать, она росла наглой, хамоватой и крайне своевольной девицей. И как-то само собой получилось, что Настасье пришлось вернуться в родительский дом и стать кормильцем. Бабушкину квартиру, в которой Настя столько лет старательно наводила уют, сдали каким-то веселым студентам, которые ее моментально загадили. Разбираться с ними Настя побоялась, поэтому, ежемесячно приезжая за деньгами, лишь покорно смотрела, как разоряют ее гнездышко. Мама ничем таким заниматься не могла, она была слишком нежной, слишком неприспособленной. Настя вообще опасалась, что родительница сопьется или, не дай бог, от горя заболеет и сляжет. Тем удивительнее было однажды встретить ее в обществе молоджавого брюнета неопределенного возраста, который что-то нежно ворковал Марине Ивановне на ушко.

– Ваще, – откомментировала это происшествие Лизавета.

– Ну и к лучшему, – отрезала Настя, понадеявшись, что можно будет спихнуть с себя почетную обязанность кормилицы.

Но брюнета сменил лысый здоровяк, лысого – бородач. В общем, у мамы началась не особо бурная, но вполне ак-

тивная личная жизнь, она расцвела, помолодела и... съехала в бабушкину квартиру, предварительно затребовав с Насти денег на ремонт.

– Во что ты превратила жилье – это уму непостижимо! – ахала Марина Ивановна, отчитывая Настасью. – Я же не могу жить в таком свинарнике!

– Так мы ее сдаем, – осторожно напомнила опешившая дочь, смутно догадываясь о грядущем развитии событий. Догадывалась она правильно. Безалаберную Лизавету маман оставляла ей.

– Заметь, я отдаю вам двухкомнатную квартиру! А могла бы вообще отправить в свободное плавание. Запомни, родители детям ничего не должны. Я вас родила, вырастила, воспитала – дальше, пожалуйста, самостоятельно. Но я понимаю, что идти вам некуда, поэтому ты оплачиваешь мне ремонт в однушке, а я оставляю вам эту большую квартиру. Захотите – разменяетесь, захотите – живите вместе.

Последняя фраза оказалась практически алгоритмом дальнейшего Настиного существования. Она хотела разъехаться, а наглая Лизавета желала жить вместе. Конечно, это же так удобно, когда в квартире есть прачка, уборщица и приносильщица продуктов! Куда это съезжать? Нет уж.

И проблема эта оказалась совершенно нерешаемой.

Как-то так изначально сложилось, что зарабатывала всегда Настя. И сестрица по достижении восемнадцатилетия схему менять не желала. В институт она не поступила, в ПТУ

не хотела, в итоге Лиза потребовала оплатить ей курсы фотомастерства и через два месяца стала гордо именовать себя «профессиональным фотографом». Настя так иступленно желала, чтобы сестра занялась хоть чем-нибудь, что даже купила ей аппаратуру для работы. Аппаратура была – работы не было.

Еще не имея своих детей, Настя уже прекрасно понимала родителей подростков: договориться невозможно, взаимопонимания ноль, сплошное потребительство и отсутствие здравого смысла. Лизу не пугали ни завтрашний день, ни отсутствие каких-либо перспектив. Она свято верила, что однажды все откуда-нибудь возьмется. На злобные вопросы сестры: «Откуда бы это им взяться», – Лиза лишь надменно пожимала плечами и обзывалась. Все диалоги между сестрами были неконструктивными и нервовыматывающими.

– Чего ты ждешь? Работа сама на дом не приползет, и деньги косяком не прилетят и в карман не попросятся! – в бешенстве отчитывала Настя непутевую сестрицу.

– Как ты мне надоела со своими нотациями, – утомленно закатывала глазки Лизавета. – Я жду, что за мной приедет настоящий принц и увезет меня к себе.

– А уж как я-то этого жду! – синхронно с ней закатывала глаза Настасья. – Иногда мне кажется, что черная полоса в моей жизни никогда не закончится.

– Не переживай, когда-нибудь закончится, жизнь же не вечная, – утешала ее сестра.

Наверное, был какой-то выход из этого тупика, но Настя год за годом тыкалась, как слепой котенок, стучась лбом о глухую стену. Жизнь уходила, просачивалась сквозь пальцы, исчезала день за днем в бесконечных скандалах и разборках, и ничего хорошего в ней не предвиделось.

– Ты, Аська, приземленная мешчанка, – оскорбленно гудела Лизавета, когда вернувшаяся с работы Настя заставляла дома очередного сестрицына приятеля или даже целую компашку «свободных художников», пожирающих ее продуктовые запасы, как стая саранчи, и начинала некрасиво орать. А кто умеет орать красиво? Правильно – никто! Тот, кто орет, он изначально неправ, так как выглядит крайне глупо. Орет тот, у кого нет других аргументов, кроме децибел. А у Насти их не было. Потому что все ее аргументы разбивались об искреннее непонимание топтавшихся в квартире гуманоидов. Ишь ты, колбасы она пожалела! Наверное, если бы мадемуазель Дорохова работала на колбасном заводе и воровала продукцию коробками, ей было бы совершенно не жалко, более того, она бы угощала ею всех желающих. Но поскольку на колбасу, а также кофе, хлеб и прочие жизненно необходимые вещи приходилось зарабатывать с утра до ночи – да, ей было жалко! До того жалко, что она орала и отнимала продукты, чуть ли не пинками изгоняя из дома незваных гостей. К сожалению, выгнать Лизавету было нельзя. В какой-то момент сестрица стала ассоциироваться у Насти с какой-то тараканьей маткой, невзирая на все ухищрения бор-

цов с тараканами, производящей новое потомство, на которое не хватало никакого дихлофоса. Проще говоря, Настасья стала ненавидеть сестру, считая ее источником всех бед и пожизненно присосавшейся пиявкой. Для того чтобы дойти до такого состояния, ей понадобилось несколько лет, после чего у барышень началось некое подобие холодной войны. Нет, они не дрались, не швырялись сковородками, но каждая исступленно пыталась жить так, чтобы создать другой максимальные неудобства. Кто-то должен был не выдержать первым и оставить поле боя.

Жаловаться маме было бесполезно.

– Это твоя сестра, а родных не выбирают, – наставительно вещала Марина Ивановна Насте. Что она говорила Лизавете – неизвестно. – Терпи, и тебе воздастся.

Настя терпела до собственного тридцатилетия. Постоянная необходимость зарабатывать на маму и на Лизу превратила девушку в какую-то загнанную лошадь, которая мечтает лишь об одном – о пенсии, когда она никому ничего не будет должна.

Когда жить становится невмоготу, то любое мало-мальски позитивное событие мнится праздником и иногда кажется судьбоносным. Именно таковым Настасья посчитала встречу с Толиком. Он был не лучше и не хуже других, скорее даже хуже многих из тех, кто когда-то имел на Настю виды, но лучшим из тех, кто мог ей дать хоть какое-то подобие любви.

Во всяком случае, тогда ей так показалось, что простительно тридцатилетней барышне, не имеющей в столь солидном возрасте ни мужа, ни детей, ни серьезного романа с последствиями.

Толик был в меру интеллигентен, воспитан и благодушен. Жил он с мамой в жутковатой коммуналке, работал мастером в ремонтной мастерской, был покладист, спокоен и надежен, как вклад в сбербанк. В том смысле, что вроде гарантии стопроцентные, но кто ж его знает, что может бабахнуть в государстве через пару пятилеток.

Судьбу Анатолия решила, казалось бы, мелочь. Их случайное знакомство, связанное с починкой утюга, переросло в какое-то подобие вялотекущего романа. То есть Анастасия встречалась с Анатолием, они даже бродили по городу под ручку, но дальше дело не продвигалось.

– Я не готова, мне надо обдумать, – ворчала Настя на изумленные вопросы подруги, мол, сколько можно в пионеров играть, я б уже давно... И злилась: – Мне надоело обжигаться. Я себя каждый раз после таких интрижек чувствую использованной туалетной бумажкой! И для здоровья мне это не надо. В смысле для физиологического, может, и не плохо кого-то иметь, но для психического – каждый раз дыра в ауре.

– Думай быстрее, – нервничала Дарья. – Мужики долго ждать не умеют.

– Можно подумать, я сама не хочу, чтобы все быстрее ор-

ганизовалось хоть как-то. – Настя нервно сопела и морщила лоб. – Мне уже тридцать, пора заводить либо ребенка с мужем, либо уже переквалифицироваться в старые девы и покупать собачку. Но это слишком важное решение, у меня времени в запасе почти нет, так что надо все взвесить.

– Смотри, сама себя не обвесь, – переживала Даша. У нее самой так ничего с личной жизнью и не получилось. Она с тоскливой покорностью следила, как увядает лицо, как начинает портиться фигура, пусть еще стройная и спортивная, но уже не такая свежая, как десять лет назад. Она, конечно, уже не была той жалкой девчонкой, которая драила унитазы в гостиничных номерах. Дарья добилась почти всего, чего хотела: она получила красный диплом, после долгих поисков и ошибок нашла отличное место и работала экономистом в аудиторской компании. Поэтому как девушка состоятельная и одинокая могла себе позволить многое – дорогие спа-процедуры, отличного парикмахера, шикарные тряпки... Только вдруг оказалось, что не так уж это и здорово. То есть не плохо, конечно, но семьи это не заменит. Даше тоже хотелось счастья. И она понимала, как сложно это счастье заполучить – ведь его нельзя купить. А самое дорогое в этой жизни то, что нельзя приобрести за деньги. И очень важно не проморгать свой шанс.

Именно по этой причине она так сильно волновалась, что и Настя не успеет вскочить в последний вагон. Тридцать – это еще не фатально, но уже опасно, особенно если ты на-

ходишься на нулевой отметке и только собираешься что-то предпринять.

Возможно, Настя так ничего и не надумала бы, если бы Толик не простудился.

Надо сказать, мужчиной он был видным и даже с натяжкой мог считаться красавцем. Собственно, именно это-то Настасью и останавливало. Красивых она побаивалась. Когда мужчина чуть симпатичнее обезьяны, любая дама на его фоне – конфетка, а когда мужик сам конфетка, то придется всю жизнь пыжиться и соответствовать. И не факт, что это удастся. Все же мужчины стареют достойно, как вино, матеря с годами и приобретая лоск, а женщины часто просто теряют форму, выцветая и увядая, как гербарий. Особенно остро это чувствуется рядом с молодыми. И если старое вино на фоне бутылок с новоделом только выигрывает, то сравнение гербария с живыми ромашками будет явно не в пользу первого. Такова жизнь, и с этим ничего не поделаешь. Мужчины об этом тоже знают, оттого и ценят себя столь высоко. И счастье найти кавалера, который считает, что это ему повезло с девушкой, а не наоборот. Настя побаивалась, что Толик, как и любой интересный мужчина, тоже больше всего на свете любит себя.

Тем удивительнее был категорический отказ заболевшего кавалера от того, чтобы Настя приехала его лечить.

– Я же тебя заражу! Я простыл, – гундосил он в трубку, периодически надрывно кашляя, словно туберкулезник со ста-

жем. – Не надо меня лечить, я сам. Только ты мне звони, пожалуйста. Мне будет приятно.

– Да? – озадачилась Настасья, прикидывая, хорошо это или плохо, что Толик не допускает ее к своему сопливому носу. – А как ты лечишься?

– Температуру меряю, – легкомысленно поведал болящий.

– А еще? Таблетки какие-нибудь...

– Не, я химию не люблю, – простодушно отмахнулся кавалер.

– То есть ты думаешь, что от градусника все пройдет? – хихикнула Настя.

– Не, от градусника, но пройдет. Не буду же я болеть вечно, – не стал вдаваться в подробности Толик.

Последний ухажер Анастасии, обаяшка Григорий, крепкий, как гриб-боровик, кривоногий и веселый, как бравый солдат Швейк, заболев, так потряс девушку своим моментальным превращением в нытика-паникера, что она до сих пор была уверена, что заболевший мужчина – это беспомощное существо при смерти, требующее сострадания и жертв. Гриша, посидев летом под кондиционером, из-под которого Настя его упорно пыталась выгнать, вполне закономерно заболел. Причем заболев, страшно этому факту удивлялся и настаивал, что это Настасья накаркала и что простуда с кондеем никак не может быть связана. Увидев на градуснике температуру 37.2, он слег и начал стонать так, словно у

него было как минимум 40. Гришеньке нужно было подносить еду, питье, переключать каналы телевизора, давать таблетки, напоминать, когда их нужно принять, общаться с врачами... В общем, это был грудничок, требовавший постоянного мамкиного надзора и заботы. А Настя и так всю жизнь о ком-то заботилась, поэтому, вылечив Гришу, интерес к нему потеряла. Тем более что и он, будучи страшно недоволен ее некачественным уходом, выздоровев, предложил ей временно разъехаться и отдохнуть друг от друга.

...Сейчас же, предлагая Толику помощь, Настасья это делала из вежливости. И если бы он согласился, наверное, могла бы, чем смогла, после чего роман закончился, так и не начавшись.

Но Анатолий проявил удивительную заботу и беспокойство.

– Ты и так на работе устаешь, не хватало тебе еще больного мужика в хозяйстве, – отрезал он, добавив: – И вообще, не хочу, чтобы ты меня видела беспомощным поленом.

– Представляешь, он переживает, что я на работе устаю, – восторженно причитала Настасья, меряя шагами Дашину гостиную. – И не хочет меня обременять. А еще боится, что я заболею! Он за меня переживает, представляешь? И стесняется, что он весь больной и я его таким увижу! Я сейчас улечу от счастья! Дашка! Так не бывает!

– Господи, как нам, бабам, мало надо для счастья-то, –

проворчала подруга. – Мужики мудрят-мудрят, а мы простые, как балалайки. Три струны и никаких проблем.

– А я влюбилась, – весьма непоследовательно резюмировала Настя. – Поздравь меня.

– Поздравляю, – с азартом кивнула Дарья. – Совет да любовь.

«Совет» у них получился, а вот любовь была какая-то не такая. Если вообще была. Жили Анастасия и Анатолий спокойно, размеренно, можно сказать – просто сосуществовали, ровно общаясь, без стрессов, скандалов и особых праздников. Даже свадьбы как таковой не было. Рачительный Толик сказал, что глупо тратить на застолье, нужное только гостям с целью поесть, попить и поплясать. Настя не спорила. Она вообще никогда с ним не спорила.

Через год такой жизни стало ясно, что она все же ошиблась.

– Скучно, пресно и все это незачем, – сказала она однажды Даше. – Понимаешь, надо чтобы хоть кто-то кого-то любил...

– Лучше, чтобы любили тебя, – вставила свои пять копеек подруга.

– Да ну, – отмахнулась Настасья. – Да даже если бы только я его любила, и то было бы как-то поживее. А то у нас словно договор о мирном сосуществовании. Тоска зеленая. Никуда не ходим – дорого и скучно. Это Толя говорит. И он прав,

потому что с ним и правда скучно.

– А с тобой ему весело? – пыталась препарировать проблему Даша.

– Я понимаю, – со вздохом призналась Настасья, – что тоже не звезда и не человек-праздник, так это оттого, что мне с ним как-то тоскливо. Живем, живем, словно ждем пенсии и благополучного переезда на кладбище. Жить надо для чего-то. Я тут даже подумала: вот он крепкий, здоровый, рожу хоть ребенка от нормального мужика, раз больше с этого мужика, кроме сперматозоидов, взять нечего. И буду этим ребенком заниматься, так Толя против.

– Не поняла, – напряглась подруга. – То есть как это «против»? Тебе тридцать с хвостиком. Он вообще против ребенка или временно?

– Временно. Но ты ж в курсе: нет ничего более постоянного, чем временное. Он говорит, что сначала надо заработать достаточно денег, решить жилищный вопрос, только сам ничего для этого не делает. Я что-то уже звереть начинаю. Бесит очень. Я пашу, как колхозный трактор, а он день через день в своей мастерской сидит за три копейки и то ли чего-то ждет, то ли думает, что все как-нибудь само получится.

– Насколько я знаю, жилищный вопрос сам собой не решается, если только у вас нет какой-нибудь дряхлой старушки на примете, которая желает завещать вам квартиру. Только в этом случае просто так сидеть и ждать имеет смысл, – саркастически хохотнула Дарья. – Я, кстати, иногда даже ду-

маю, что это здорово, что у меня нет ни детей, ни родни. Представь, вот живу я вся такая – богатая старуха, ездят ко мне многочисленные внуки и правнуки на праздники, звонят, здоровьем интересуются, а сами только и ждут, когда я копыта отброшу. И не потому, что они меня ненавидят, а потому, что мой переезд в райские кущи решил бы большинство их проблем. Короче, отвлеклась я. У вас же такой бабки нет?

– Нет. У нас вообще ничего нет, кроме моей работы. И ничего, судя по настрою Толика, не будет. Толик не борец, он считает, что надо плыть по течению, и все, что тебе положено, судьба все равно даст. А что не положено – отнимет, – с раздражением сообщила Настасья. – Какая-то безысходность корячится в перспективе, вот что. Он, главное, хороший такой, позитивный, никогда не ругается, с ним спокойно, но... Я, наверное, много от жизни хочу, да?

– Да кто ж его знает, – пригорюнилась Дарья. – Может, был бы у тебя алкаш, который по трезвости любил бы тебя безумно, а по пьяни бил, соблюдая извечную русскую традицию. Деньги бы пропивал, дружков домой водил, или ты бы его по моргам и больницам после каждой пьянки искала. Зато было бы не скучно. Так хочешь?

– Так тоже не хочу, – мрачно открестилась от предложенной перспективы Настя. – Но и так, как у меня сейчас, жить невозможно. Какая-то бесцветная, безэмоциональная вахта с непонятной целью. Жить надо для чего-то. А я уже даже не

понимаю, чего хочу. Ребенка хочу, но надо ждать. То есть теперь надо хотеть, чтобы решился вопрос с квартирой. А чего ждать-то? Не решится ничего. Я одна на квартиру не зарабатываю. Запуталась я...

— Ну что, у вас в отношениях вообще никогда никаких эмоций не бывает? — поинтересовалась подруга. — Должно же быть хоть что-то, что вас обоих радует или злит.

— Есть, — хмыкнула Настя. — Лизка. Эта зараза ходит по квартире в чем мать родила, мотивируя это тем, что она у себя дома. И мужиков периодически приводит каких-то. Толик считает, что ей пора жить самостоятельно. А где ей жить, если квартира общая и разменять ее невозможно? Все беды от жилищного вопроса. Я уже созрела, чтобы взять ипотеку. Уж лучше всю жизнь выплачивать, но жить, чем сейчас влачить такое непонятное существование, а потом на старости лет, когда уже ни детей, ни перспектив, купить отдельное жилье. На кой леший оно нам тогда надо будет? Так вот про Лизку. Она Толика бесит невообразимо. Меня тоже. Надоела страшно, деть ее некуда, зато она нас сплачивает своим наличием.

Разговоры на эту тему тянулись уже целых пять лет, но с места так ничего и не сдвинулось. Можно до одурения обсуждать проблему, но если не начать ее решать, то она никуда не денется. Затык в личной жизни — это не насморк, он сам собой не проходит. Время шло, а ничего не менялось.

Иногда от осознания безысходности Анастасии становилось так горько, что хотелось жалеть себя, подвывая и обвиняя всех подряд. Хотя в глубине души Настя понимала: это только ее вина, ее выбор и ее страх что-то менять.

– Никакого ресторана с частушками и тамадой мы заказывать не станем. Все будет красиво, но без мещанства, – чирикала Лизавета. – Вон у Настьки даже свадьбы нормальной не было. Да, сеструха? Поэтому ты злишься? И что ты вспомнишь на старости лет? У тебя всего пара убогих фоток, как вы друг дружке гайки на пальцы накручиваете. Не надо завидовать, если у тебя самой фантазии не хватило.

– У меня не хватило денег, – сатанея от бешенства, прошипела Настя. Непробиваемость сестры, ее наивный инфантилизм всякий раз доводили ее до исступления. Но как можно спорить с такой? Это ж все равно что биться лбом об стенку. Какой смысл взывать к логике или приводить какие-то аргументы, если тебя просто не хотят слышать.

– Так надо было зарабатывать, да, Санечка? – Лизавета пощекотала будущего супруга за ухом, тот блаженно зажмурился.

– Надо полагать, у вас деньги есть? – мстительно поинтересовалась Настасья.

– Нету, ну ты ж нам одолжишь, – без намека на смущение пожал плечиками Лиза.

– Я? – ахнула сестра, захлебнувшись негодованием. – Я?

Ты в своем уме? У меня нет!

– Здрасьте, нет, – фыркнула сестрица. – Ты ж копишь на квартиру, я знаю. Снимешь со счета, потом мы заработаем и отдадим.

– Очень смешно. Может быть, логичнее было бы найти себе мужа, который в состоянии оплатить хотя бы свадьбу? – Настя скрипнула зубами и отвернулась к окну, стараясь дышать размеренно. Это очень помогало сдерживаться и не срываться на крик. Раз – вдох, два – выдох. И так до десяти.

– Я по расчету замуж выходить не собираюсь. Я – только по любви. Чтобы жить красиво, чтобы был драйв и ветер...

– В башке у тебя ветер, – процедила Настасья. – Выходи по любви, никто не мешает. Только при чем тут я? Ты и так уж сколько лет жрешь и пьешь за мой счет. Хватит, надоела.

– Фу, какая ты мелочная, – поморщилась сестра. – Саша, вот смотри, такие у меня родственнички. Зая, заступись за меня. Скажи, что я мало ем.

– Мало, – просюсюкал жених и полез к Лизавете целоваться.

– Тьфу! – в ярости плюнула Настя и крикнула: – Толик, иди ужинать!

– О, картошечка, – оживился Саша.

– Я тебя на ужин не приглашала. Равно как и твою невесту, которая мало ест! – рывкнула Настя. – Ну-ка, пошли в свою комнату быстро!

– Давай еще из-за картошки подеремся, – хмыкнула Ли-

за. – Мне, чур, зажаристую. И не надо тут строить из себя оскорбленную. Хочешь жить отдельно – никто тебя не держит. Не можешь заработать – живи в семье.

– Я давно говорил, надо поставить холодильник в нашей комнате. И замки врезать, – прогудел вплывающий в кухню Анатолий. – И готовить отдельно. А то устроили тут коммунизм. Никто не работает, все только жрут!

– А то ты много работаешь! – ошетинулась Лиза. – По-малкивай.

– Да ты даже зубы чистишь нашей пастой! – взвизгнул Толик. – Ты хоть раз что-то в дом принесла, пиявка?!

– Ты-то больно много принес! – заверещала Лизавета.

Настя, давно привыкшая к постоянным скандалам, реплики в которых знала уже почти наизусть, молча вышла, представив мужу ругаться в одиночестве.

Правильно говорят, что однажды количество переходит в качество. Она вдруг отчетливо поняла, что дальше жить в этом кошмаре не может, не хочет и не будет.

– Дашка, нужно срочно что-то менять, пока еще есть время! – выпалила Настасья, набрав номер подруги.

– Настена, я тебе давно говорила – приезжай ко мне. Устрой себе отпуск на месяц, пусть они там как пауки в банке перегрызутся. Представляешь: приезжаешь ты обратно, а там тихо, пусто и никого, – мечтательно расписала картину маслом Дарья.

– Боюсь, там либо будет полиция, либо Лизка со своим

новым женихом победят Толика и будут по этому поводу гулять с друзьями. У нас, Дашуня, такая ситуация, что покидать поле боя нельзя. Как только свалишь, там сразу сомкнется, как в вагоне метро в час пик, и фиг втиснешься обратно. Нет, менять все надо как-то кардинально. Я тряпка, мямля и потеряла кучу времени. Только с возрастом начинаешь понимать, что нет ничего дороже времени. Я все профукала, – буркнула Настя. – Вернее, еще не все. Тридцать пять – еще не финиш. Можно еще хоть что-то успеть. Я неправильно жила.

– А я тебе давно говорила!

– Ой, как говорить – мы все умные, а вот попробуй еще услышать, что тебе говорят! Наверное, пора начинать тренировать силу воли и хамить, да? – жалостливо предположила Настасья.

– А чего таким тоном? – оживилась Даша. – Сама прикинь. Ты им что-нибудь должна? Нет. Они с тебя требуют? Требуют. Включай логику и отправляй родственников лесом. Пора начинать жить для себя. Вот ты хочешь ребенка? Хочешь. Поэтому и Толика надо ставить перед фактом: либо вы кооперируетесь и совместными усилиями меняете квадратные метры, либо рожаете на чем есть, либо «Прощай, Толик!» Ты, кстати, готова с ним попрощаться?

– Не знаю, – приуныла Настя. – Как-то страшно. Столько лет вместе.

– И какие плюсы? – подсказала подруга. – Давай-давай,

развивай мысль.

– Никаких, – вынужденно признала Настя. – Одни мину-
сы.

– Ты, конечно, в одночасье себя не поменяешь, но только подумай – еще года два, и у тебя вообще не будет шансов что-либо в этой жизни изменить. Так и останешься в этом Содоме с пиявками. Бейся за свое счастье. Оно само редко в руки падает, – отрубила Дарья. – И бойся лишиться из-за них всего. Разозлишься, что ли... Не знаю я. Ты разозлиться можешь?

– Я сейчас просто в бешенстве, – осторожно покопавшись в ощущениях, выговорила Настя.

– Вот, лелей это чувство и не давай ему притупиться! На эмоциях мы иногда творим такое, чего в нормальном состоянии никогда бы себе не позволили. В этой жизни нельзя быть мягкой и покладистой – сожрут. Кстати, твои тебя уже дожевывают, один хвостик скоро останется.

– Насть, – поскреблась в комнату Лизавета. – Выходи, у нас семейный совет. Хватит там по телефону трепаться.

– Ну? – Настя наскоро попрощалась с Дарьей и выглянула в коридор. – Чего от меня надо? Денег?

– А почему ты с таким гонором это говоришь? – неожиданно взвизгнула сестра. – Ишь ты! Можно подумать, что я тебе в пояс кланяться должна и выпрашивать. У тебя, между прочим, сестра замуж выходит.

– И чего? – старательно подогревая клокотавшую в душе ярость, максимально спокойно поинтересовалась Настя. – Я тоже замуж выходила, но к тебе за деньгами не обращалась. Или я чего-то не помню?

– Между прочим, я младше! – прищурилась Лиза, вероятно, считая, что это отличный аргумент.

– И дальше что? – используя сестрицын любимый прием, завела шарманку Настасья. Лиза очень любила на все ее доводы в спорах вдруг начать отвечать: «И дальше что?», повторяя эту выводящую из себя фразу на любую Настину реплику.

– Младшим надо помогать. Мы в ответе за тех, кого приручили, – пояснила мысль Лизавета.

– Мне кажется, что ты путаешь братьев наших меньших и сестер наших младших. Ты вроде совершеннолетняя, вон, замуж собралась, мужик у тебя тоже совершеннолетний. С какой стати я должна тебе помогать?

– Ты ж всегда помогала, – озадачилась Лиза, слегка напуганная странным Настиным тоном, и на всякий случай добавила: – Тебе завидно, что у меня муж молодой и красивый?

– Нет! Я счастлива, что наконец могу тебя сбыть с рук на руки твоему будущему мужу, – пояснила основную идею спича сестра. – Или ты думала, что я тебя кормила, а теперь ты заведешь себе Сашу, и я еще и его буду кормить? Увы и ах. Все, у тебя началась новая, самостоятельная жизнь. Кстати, за материальной помощью обычно обращаются к роди-

телям. У нас маменька имеется. Иди, у нее попробуй денег попросить.

– Она не даст, – мрачно уставилась в пол Лиза. – Поганый у тебя характер, вечно настроение портишь.

– А как надо? Широко тебе улыбнуться, отслюнявить кровно заработанных рубликов и пожелать счастья в личной жизни? – с искренним изумлением поинтересовалась Анастасия. Надо же, она даже не подозревала, до какой степени наглости дошла сестрица – это было что-то запредельное. Она озвучивала совершенно дикие и неприличные вещи таким тоном, словно это само собой разумеющийся факт. Конечно, столько лет кормила, а тут вдруг корыто убрала и кормушку прикрыла – совсем обнаглела!

– А как ты думала, на какие шиши я буду замуж выходить? – с вызовом вздернула головку Лиза.

– Я как думала? – усмехнулась Настя. – А с чего ты взяла, что я вообще должна думать про твою свадьбу? Иди Шурику своему претензии предъявляй.

– У меня денег нет, – немедленно отозвался из-за угла будущий муж. Он явно подслушивал, как лицо, заинтересованное в выдаче финансов. Или просто слышал, так как общались сестры на повышенных тонах.

– Да кто бы сомневался, – пожала плечами Настя. – Вам не кажется, уважаемые брачующиеся, что это ваши проблемы, а не мои?

– Надо по-семейному решать, а то не по-людски получа-

ется, – осторожно пошел в атаку Шурик. – Даже странно от тебя такое слышать.

– По-семейному? – задумчиво переспросила Настя. – Саша, ну так и обратись к своей семье.

– У меня только мама. Она в области живет, помочь не может, – бодро отрапортовал будущий муж. И улыбнулся, словно нашел подходящий аргумент и победил в споре. – Так что придется тебе.

– Это как же я до сих пор жила? – изумленно спросила сама себя Настасья и даже повернулась к зеркалу, чтобы убедиться, нет ли в ее лице признаков дебилизма. – Вы меня за кого держите тут все? Чего мне придется? С какой стати? Толик! А ну-ка, давай перетаскивай холодильник в нашу комнату. И замок в двери врежай.

– Ты уверена? – Муж замаячил на фоне дверного проема.

– Уверена. Ты же сам предлагал, вот и давай. Все, уважаемые родственники, переходите на самообеспечение, – рубанула воздух ладошкой покрасневшая Настасья. – Достали вы меня.

– Это подло, – пискнула Лизавета. – Ты специально хочешь испортить нам свадьбу!

Когда женщина собирается круто переориентировать свою жизнь, она подсознательно начинает с главного – с внешности. Наш внутренний мир не может существовать в противофазе с оболочкой. И наоборот – оболочка опреде-

ляет внутренний настрой. Иными словами, оставаясь серой мышкой, Настасья не только не смогла бы убедить окружающих в том, что отныне она другая и все пойдет иначе, но и саму себя не смогла бы настроить на борьбу. А в том, что предстоит именно борьба, она не сомневалась. За счастье надо бороться. Чем больше думаешь о других, тем меньше они думают о тебе. И если ты решила положить свою жизнь на алтарь служения семье, не жди благодарности: домочадцы быстро привыкнут к хорошему и будут воспринимать твою вахту как должное.

Именно поэтому утром Анастасия Дорохова позвонила на работу, предупредила, что задержится, и отправилась в парикмахерскую. Никто не возражал. К работе переводчиков в фирме относились спокойно, платили не особо много, но давали возможность и поработать дома, и подхалтурить, иногда даже само начальство подкидывало клиентов для переговоров – и все были довольны. То есть, конечно, доволен человек не бывает никогда, но роптали гораздо меньше, чем в других подобных организациях.

Когда девушке двадцать, она хороша уже одной только свежестью лица и изящностью фигуры. Настя всегда была стройной, даже слегка худоватой, тем страннее было наблюдать, как вдруг внезапно тело начало полнеть, лицо жухнуть, а длинные роскошные волосы, которые ей всегда так шли, вдруг стали тусклыми и перестали украшать. Более того, она

все чаще убирала их в хвост, так как сама себе стала напоминать пожилую русалку.

– Мы, Настюха, – настраивала ее на позитив Дарья, – уже находимся в том прекрасном возрасте, когда тело переходит в категорию «есть за что взять», даже если раньше брать было не за что. В самом крайнем случае даму бальзаковского возраста можно поддержать если не за грудь, то точно за попу или в крайнем случае за живот. Даже такую тощую, как я, при желании есть за что ухватить. А помимо этого таким, как мы с тобой, начинают идти очки. И не потому, что это стильно, а потому, что они закрывают половину морды и морщины под глазами.

Когда девушке прилично за тридцать, у нее появляется масса претензий к собственной внешности. Особенно в тех случаях, когда она еще планирует выжать из этой внешности дивиденды.

Накануне Настасья долго и придирчиво разглядывала свое отражение в зеркале.

– Чего ты там топчешься? – лениво поинтересовался Толик, не отрываясь от телевизора. – Не узнала, что ли? Или у тебя рог вырос?

– Ну, про рог тебе виднее, – огрызнулась Настя, внезапно подумав: «А так ли уж у нас с мужем все идеально? А с чего я взяла, что он не изменяет? И почему я сама, в отличие от большинства ровесниц, не расцветила свою жизнь какой-нибудь интрижкой, раз уж муж такой бурдюк и от него празд-

ника не дождешься?..» В общем, как это часто бывает, мужик брякнул, ничего не имея в виду, а дама тут же понаделала выводов на ровном месте и запустила мыслительный процесс, подогревая его фантазией и женской логикой. В итоге, развив мысль и испортив себе настроение, Настя легла спать раздраженная, страшно удивив супруга, который, впрочем, на ее сдвинутые брови и недовольную физиономию замораживаться не стал, а продолжил смотреть, как на экране два потных боксера из последних сил мутузили друг друга.

«Все же мужики – редкостные идиоты. У женщин не может быть с ними ничего общего, кроме детей. А у нас и детей нет!» – подумала Настасья, отбывая в царство Морфея.

...Да-да, измениться Настасья решила кардинально. Впервые, давно стало ясно, что длинные волосы ей уже не по возрасту и не по статусу, тем более что овал лица начал слегка стекать вниз, и пряди, спускавшиеся ниже плеч, только усиливали эффект старения. Вот если их забирать назад, то получалось как-то живее и свежее. По всему выходило, что надо было стричься. Конечно, стрижка – это вам не длинные волосы, которые можно просто расчесать и замотать в какую-нибудь рогульку, зацепив сзади красивой заколкой. С прической придется возиться каждое утро, укладывать, поливать лаком, мазать каким-нибудь муссом – в общем, красота потребует жертв, и не факт, что жертвы себя оправдают. Кроме того, цвет волос тоже следовало поме-

нять, тем более что он давно стал каким-то неопределенным и унылым.

– Хуже, чем есть, не будет, – пробормотала Настя, усаживаясь в кресло и давая парикмахеру «ц. у.» Уж менять – так все и резко. Пока мастер колдовала с ее прической, она задумчиво перебирала в памяти знакомых мужчин, твердо решив уж если не наставить надоевшему мужу рога, то хотя бы пофлиртовать. Не потому, что Настасья была какой-то испорченной или взбалмошной истеричкой, а для укрепления внутренней уверенности в себе. Хотя... Наверное, это просто была потребность что-то изменить.

Выбор потенциальных кавалеров был невелик. И естественно, первым на ум приходил Слава.

Вячеслав Николаевич Кофту́н был начальником отдела продаж. Формально Настиным начальством он не являлся, но все же был шишкой, причем довольно крупной. Ездил он на неприлично дорогой иномарке, одевался как пижон, был хорош собой, голубоглаз, ухожен и улыбчив. Тем удивительнее был его интерес к обычной переводчице. Но как ни странно, последние пару недель Вячеслав весьма недвусмысленно пытался за ней ухаживать.

– Он с девицей своей расплевался, – пояснила удивленной Настасье его секретарь Раечка. – С очередной.

Раечка была маленькой, кругленькой сорокапятилетней девушкой, безнадежно влюбленной в своего импозантно-

го начальника. Тот был прекрасен, как бог, обаятелен, как кинозвезда, и галантен, как герой-любовник. Не мужчина, а бриллиант. Но бриллиант этот был моложе Раечки на пять лет и категорически не желал замечать ее по-собачьи преданных глаз и выпадающих из декольте прелестей. О том, что Кофтунов тот еще ловелас, знали все. Девицы у него были одна эффектнее другой, и чем его заинтересовала Настя, было совершенно непонятно.

– Почему я? – в лоб спросила Настя у секретарши, зло мерившей ее колючими глазками. – С какой стати?

– Можно подумать, ты не рада, – подозрительно щурясь, вредным голосом проскрипела Раечка, переживавшая, что объект вожделения наконец-то решил остепениться и переключился на нормальных женщин. И надо ж такому случиться, что подвернулась эта переводчица!

– Я удивлена, – не стала юлить Настя. – Как-то странно.

– Ничего странного. Он любит девиц с изюминкой, – проговорила Рая и тут же прикусила язык. Не хватало еще, чтобы эта Дорохова возомнила о себе невесть что и пошла в атаку на ее Славику!

– Рая, я девицей была лет десять назад, и то с большой натяжкой, а сейчас я замужняя тетка. Вроде и повода не давала. С чего вдруг такие выкрутасы и хороводы?

– А ты его отшей, – доброжелательно посоветовала Раечка. – В грубой форме.

Не так часто мужчины Настей интересовались, чтобы

вдруг взять да и отшить такого красавчика. Тем более что легкий флирт на работе внезапно оказался довольно приятной штукой: он бодрил, добавлял блеска в глаза и адреналина в кровь. Мужское внимание действует на женщин, как витамин красоты. Даже самая затрапезная курица расцветает, стоит лишь какому-нибудь субъекту противоположного пола сделать ей комплимент. Что уж говорить о даме, приятной во многих отношениях!

– Ну, как-то так, – мастер развернула замечтавшуюся клиентку к зеркалу, и Настя ахнула. Отражение было чужим. Не непривычным или странным, а абсолютно чужим. Из зазеркалья на нее недоверчиво таращилась светло-русая шатенка с игривым каре.

– Ой, мамочки, – прошептала Настасья и потрогала матово блестящие волосы. С такими прическами ходят по красной дорожке, пьют шампанское на светских раутах и складывают мужчин в штабеля. Лицо как-то сразу подтянулось, стало тоньше, шея длиннее, глаза еще больше, хотя, казалось бы, куда уж больше. – Какая я красавишна-то, обалдеть. А как вы это так?.. А я сама смогу повторить завтра утром? Ой, ну вообще! Вы волшебница!

Оставив мастеру неприлично щедрые чаевые и получив подробную инструкцию, как и чем укладывать, чтобы было «вот так же офигительно», мадам Дорохова выплыла на улицу и, гордо вздернув голову, поцокала на работу. Ей каза-

лось, что мужчины оглядываются и облизываются, а женщины завидуют. Хотя вполне вероятно, что и не казалось. Главное, чувствовать себя королевой, тогда и остальные разглядят корону.

– Анастасия, вы богиня! – Вячеслав очень кстати попался ей прямо на входе в офис. – Я вас еле узнал! Что случилось? Вы сменили имидж?

– Просто голову помыла, – отшутилась Настя, тут же мысленно обругав себя последними словами. Ну почему она не умеет нормально реагировать на мужское внимание? Нормальная баба, без комплексов и чувства неполноценности, любые комплименты принимает как должное – снисходительно и кокетливо. Но таковых меньшинство. Основная масса дам, к вниманию не привыкшая, пугается и начинает глупо отнекиваться, мол, да что вы, какая там красавица! Наоборот, именно сегодня я страшна необыкновенной страшной...

Кофтуン недоуменно поморгал, после чего понимающе улыбнулся и нахально взял сотрудницу под руку:

– Я вас провожу.

– Куда? – Настя уже напрочь забыла о своих планах и ошестинилась, как еж. – Не надо меня провожать.

Она гневно выдернула локоть из цепких лап Вячеслава и строптиво фыркнула.

– Люблю непокорных женщин, – доверительно сообщил

Вячеслав. — Особенно умных и красивых.

— Да уж, — тоном Кисы Воробьянинова проямлила ошарашенная барышня. — Я такая.

— А я знаю. — Кофтун изобразил лицом нечто страстно-романтическое. Вернее, это ему так казалось. На самом деле он просто выдвинул свой подбородок с ямочкой, словно ящик комода, и выкатил глаза, как кот, которому прищемили хвост. При этом он еще и задышал, как загнанная лошадь. В общем, было бы смешно, если бы Настя тоже не настроилась на ухаживания. Поэтому она потуги начальства расценила правильно и даже обрадовалась, что роман начинается так кстати. Тем более что Слава тоже был вполне ничего и, если что, генофонд бы не испортил.

С некоторых пор Настя начала думать, что муж для счастья не так уж и важен, особенно учитывая тот факт, что счастья от него никакого нет. И чем больше она об этом размышляла, тем яснее становился факт: время потеряно зря, она шла не в ту сторону и не с той целью. Вроде Толик был самым подходящим кандидатом, а все равно оказалось совершенное не то. Так чего еще ждать? Надо рожать ребенка, а уж с мужем или без — не суть. Если бы супруг был кормильцем и поильцем, то можно было бы еще все взвесить и посомневаться, но так как в материальном плане главой семьи являлась Настя, то и думать особо было не о чем. Как есть, так и есть. Кстати, именно по этой причине мужчины столь легко соглашаются на развод, а женщины долго и му-

чительно терпят до последнего. Миром правят деньги, как ни крути. Некоторые говорили, что это не так и важнее любовь, но они либо лукавили, либо им просто больше повезло в жизни. Как можно верить в какую-то там любовь женщине после тридцати пяти лет, если за все эти годы она ни разу не получила доказательств ее существования?

– Я, пожалуй, работать пойду? – с какой-то неуверенно-вопросительной интонацией пробубнила Настя, выжидательно глядя на новообращенного кавалера.

– А как насчет ужина? – вопросом на вопрос ответил Коф-тун. – Надеюсь, вы не на диете?

– Думаете, мне нужна диета? – хихикнула Настасья, тут же в очередной раз оборвав себя на полуслове. Надо же: язык мой – враг мой. Ну что она все время какую-то пургу несет?! Правильно, иногда лучше жевать, чем говорить.

– Думаю, что она тебе ни к чему, – резко перейдя на «ты», дыхнул ей в ухо Вячеслав. От него пахло мятой и терпкой туалетной водой. Толик, который уважал здоровую деревенскую пищу и постоянно трескал лук, чеснок и семечки, пока проигрывал.

– Только ужин. Меня муж дома ждет, – на всякий случай проблеяла Настя, готовя пути отступления и мучительно вспоминая, какое она сегодня надела белье. Все же Коф-тун как-то неожиданно начал форсировать события. Плюс ко всему она не хотела прослыть какой-то там доступной ветреницей. Ведь ясно же, что про их роман тут же будет знать

вся контора. Нужно поупираться. Да, точно, и хотя бы перед самой собой создать иллюзию порядочной женщины... – Надеюсь, это просто дружеская встреча?

– А мы друзья? – непонятно спросил Слава, сильно озадачив барышню тоном и постановкой вопроса.

– Мы коллеги, – на всякий случай подстраховалась Настасья, попятившись к своему кабинету. Можно было предположить, что начальство проверяет ее на моральную устойчивость и сейчас как брякнет что-то типа «Много себе позволяете!»...

– А я бы хотел, чтобы мы были больше чем коллеги и больше чем друзья, – внес ясность Вячеслав.

Мадам Дорохова тихо, с облегчением выдохнула: нет, все же роман, а не что-то там...

– Так что? – поторопил кавалер. – Ужинаем?

– И только, – твердо обозначила границы дозволенного Настя. – А потом ты отвезешь меня домой. К мужу.

– Да хватит меня своим мужем пугать, – неожиданно развеселился Кофтун. – Можно подумать, там у тебя такое сокровище! Ты не выглядишь счастливой женщиной, уж я-то разбираюсь в этом, поверь. А я хочу, чтобы ты была счастлива.

Весь рабочий день Настасья пребывала в состоянии романтической комы, слабо реагируя на раздражители и бездумно возя курсором по пустому монитору. Она на разные лады повторяла про себя последнюю фразу Кофтуна и бла-

женно улыбалась. Нет, конечно, она не влюбилась, но сердце билось как-то иначе. И на душе стало так светло, что даже чувство стыда перед мужем куда-то испарилось.

Свидание, а это было именно свидание, прошло изумительно. Никогда в жизни у Анастасии не было такого красивого и романтического вечера. Толик вообще не признавал никакие мелодраматические эффекты, не умел ухаживать красиво и считал, что самое главное – честность и открытость в отношениях, а также покой и стабильность. Именно нелюбовью к сюрпризам объяснялся тот факт, что подарки Настя себе покупала сама, причем на свои же деньги, а цветы супруг не дарил, поскольку они быстро вяли – так к чему тратить деньги? Если сильно надо – можно купить цветок в горшке и поливать его. Настя как-то сразу решила, что ей не «сильно надо», и жила без цветов. В конце концов, когда муж не пьет, не курит и не гуляет, странно требовать, чтобы он еще и оказался неземным принцем. Все хорошо не бывает.

И тут вдруг выяснилось, что бывает. Слава тоже не пил, не курил, умел устроить девушке праздник, да еще и был красив, как кинозвезда. А то, что он любил погулять... так ведь с ней, а не с кем-нибудь! К тому же сразу ясно: мужчина тоже находится в поиске единственной. Он сам сказал об этом Насте. Имеет право: он-то не женат.

Ничего лишнего Вячеслав себе не позволил, довез Настасью до дома и, поцеловав руку, печально попрощался.

– Что-то не так? – забеспокоилась Настя, заметив его кис-

люю физиономию. Все же роман на работе – это еще и опасность, что если что-то пойдет неправильно – то есть не устроит влюбленное начальство, то вместе с бывшим мужчиной и работа может стать бывшей. Эта неприятная мыслишка зудела, как комар, отравляя волшебный вечер, и постоянно лезла в мозг, не давая расслабиться.

– Конечно, не так, – грустно кивнул Слава. – Целая ночь без тебя.

Настя густо покраснела и, скованно буркнув «до завтра», унеслась в подъезд, стараясь удержать торжествующую улыбку.

Наконец-то и у нее случилось что-то настоящее!

– С Толиком никогда так не было! – шептала она в трубку, набрав Дарьин номер и закрывшись в ванной.

– А что было-то? – жадно уточняла подруга. – Вы с ним того? А где?

– Ничего еще не было! – перебила ее Настя.

– «Еще» – звучит обнадеживающе, – хихикнула Даша. – Давно пора сходить налево, чтобы потом было что вспомнить на старости лет. А то твой муж расценивает тебя как недвижимое имущество, которое приписано к нему навечно, поэтому и не шевелится. Вот погоди, он почувствует, что ты уплываешь, забеспокоится и тоже проявит активность. Левак укрепляет брак. И тебе хорошо, и супружника своего встряхнешь.

– Слушай, Даш, да ты не поняла, – напряглась Настя. – Это не просто романчик. У меня все серьезно.

– В смысле? – ойкнула подруга. – Ты разводиться, что ли, надумала?

– Ну, не то чтобы прям вот так сразу разводиться, но... Да дело даже не в Славе. Я просто не вижу с Толиком никаких перспектив, никакого будущего. Ну, не знаю... Надоел он мне. Бесит, раздражает. Я с ним до старости жить не хочу. И в один день умирать не хочу. И вообще как-то уже ничего от него не хочу. Ошиблась я. Терпела-терпела, а сейчас понимаю: зря. Чего ради? – разошлась Настасья, вдохновенно глядя на себя в зеркало и то ли убеждая свое отражение, то ли оправдываясь перед Дашей.

– Ты аккуратнее там, – задумчиво предостерегла ее Дарья. – Все же лучше синица в руках, чем журавль... А с другой стороны, когда руки синицей заняты, так и журавля ловить нечем. Нет уж, не буду я тебе ничего советовать. Думай сама. Ориентируйся по обстоятельствам. Тебя все же семейное положение обязывает.

– У меня, Дашка, семейное положение – безвыходное, так что я кругом всем должна и слегка запуталась, – пожаловалась Настя. – Ладно, попробую решить так, чтобы получилось объективно хорошо исключительно мне. Потому что всем хорошо быть не может.

Толик, как обычно, валялся на диване и даже не спросил,

где жена болталась до ночи. Это было немного обидно, хотя и не так плохо – по крайней мере не пришлось врать и оправдываться.

Попить чая с шоколадкой в одиночестве не вышло. Если в вашей квартире живут родственники, вы обречены на постоянное общество кого-нибудь из домочадцев, не говоря уже об очереди в туалет, ванную и к домашнему телефону.

– А чего не ужинаешь? – заботливо поинтересовалась выходящая на кухню сестрица.

– Не хочу, – односложно буркнула Настя. Она решила держать глухую оборону и не идти на контакт, так будет проще бороться за свою независимость и говорить «нет».

Это только кажется, что отказывать просто. Со стороны все любят давать такие советы, но когда варишься внутри ситуации, вдруг оказывается, что есть куча причин, почему это «нет» выдавить из себя нет никакой возможности.

– А я хочу, – обрадованно поддержала разговор Лизавета.

– Ну, так поешь. – Настя пожала плечами, пытаюсь угадать, к чему идет беседа. Долго гадать не пришлось.

– Нечего есть-то, – развела руками Лиза. – Холодильник твой жлоб к себе утащил.

– А, ну так правильно. В нем же все равно только наши продукты, – максимально равнодушно бросила Настасья, хотя внутри ее все тряслось и клокотало: от отвращения к себе, к ситуации, от необходимости делать над собой какое-то усилие.

– У тебя в крови мещанство и мелочность, – презрительно процедила Лиза. – Самой не противно?

Насте было более чем противно, но она вопрос проигнорировала, отвернувшись к окну и присосавшись к кружке с чаем. Пусть сестра думает что угодно. Надоела. На войне все средства хороши.

– Что с деньгами решила? – неожиданно миролюбиво поинтересовалась Лизавета. Судя по тону, она вспомнила, что начинать орать и качать права еще рано – не все вопросы решены.

– С какими деньгами? – Настя решила прикинуться дурочкой. Вот пусть озвучит, что именно ей надо, и сама себя со стороны услышит. Хотя если у человека нет совести, то она не вырастет вдруг, как мухомор после дождя. Иными словами, если Лизка в своей наглой просьбе не видела ничего предосудительного, то вряд ли у нее вдруг наступит прозрение.

– Не придуривайся, – закатила глаза сестрица. – С деньгами на нашу свадьбу.

– Ваша свадьба – ваши деньги, – отрезала Настя. – Я считаю, что праздновать бракосочетание – это мещанство. А, забыла. Еще это мелко – кареты там какие-то, лошади, гости... Фи, в общем. Распишитесь и живите счастливо.

– Так нельзя, – подал голос жених. Такое чувство, что он тенью ходил за Лизаветой и в переговорах с сестрой выстав- лял будущую супругу как щит или противотанковое заграж-

дение.

– Почему? – искренне удивилась Настасья. – У нас с То-ликом это очень запросто получилось. Я тебе точно говорю – так можно и даже нужно, если денег нет.

– Мамкина родня нас не поймет, – вздохнул Шурик. – Ты чего? Мы ж из деревни!

– Тогда дождитесь сбора урожая и валите жениться в де-ревню. Там и столы накроете, и яблоч потрескаете с гостями, и свинью какую-нибудь принесете в жертву и съедите. Или как там у вас принято, в деревне-то?

– Да ты что? – заволновался будущий муж. – Мать толь-ко обрадовалась, что я на городской женился, в городе оста-нись, всем рассказала уже, как я круто живу, – нет, надо по-людски, в ресторане.

– Ну, давайте по-людски, – не стала спорить Настя.

– Вот и я говорю. – Саша повеселел и даже вылез из-за угла, где прятался на всякий случай, если вдруг диалог пой-дет не так позитивно. – Сколько сможешь дать?

– Нисколько, – тоже весело ответила Настя. – Я ж уже го-ворила. Отвяжитесь, ребята. С меня открытка. Если учесть, что я от Лизки на свою свадьбу даже открытки не получи-ла, это вполне великодушно. Все, аудиенция окончена. И по-прошу больше ко мне со своими меркантильными предло-жениями не подкатывать.

– Да и подавись, без тебя разберемся, – вспылила сестра. – Тоже мне! Кстати, этот цвет волос тебе не идет, а прическа и

вовсе уродская! – Гордые жених и невеста выплыли из кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.